

УДК 81'367.7

ТОПИКА И ТЕЛЕОЛОГИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРАКСИСА В ПОЭТИЧЕСКОМ СТИЛЕ ГОТФРИДА БЕННА

А. И. Ноготков

В настоящей статье предпринята попытка комплексного анализа ономастического праксиса, реализуемого в лирике Готфрида Бенна, с художественно-телеологических позиций. Посредством анализа специфики употребления имен, так или иначе связанных с эллинской темой (антропонимы, теонимы, топонимы, реалии) стало возможным сделать вывод, что ономастический праксис служит Г. Бенну в выстраивании определенной топологии стиля посредством изысканного и неординарного обращения с отдельными элементами семантики имен. В статье проведена функциональная типология имяупотребления в лирике Г. Бенна и обосновано понятие символа для бенновской поэтики. В исследовании задействован метод филологического анализа, на методологической периферии находится метод имажинативной реконструкции.

Ключевые слова: топология стиля; символ; номинативная топика; семантика.

*Die Dichtung braucht inneren Spielraum.
Gottfried Benn. B. 1, S. 257.*

В лирике Готфрида Бенна находит воплощение качественно детерминированная и притом количественно нелимитированная, вплоть до иллюзии каталогизирования, номинативная топика, порождаемая специфически структурированным ономастическим праксисом, целью которого является, с одной стороны, антураж, с другой – детерминация топологических лимитов собственного поэтического пространства имажинации.

Ономастический праксис¹ реализуется в данном случае на трех уровнях эйдетики: мифонимы (теонимы и антропонимы); топонимы; реалии. Посредством данных ономастических классов реализуются две сюжетные функции.

С точки зрения частотности мифонимы являются для Бенна наиболее специфическим классом тематической номинации. Топонимы значительно менее часты, однако функционально близки к мифонимам, в связи с чем мы

сочли уместным провести логическую классификацию повествования не на классовом, а на функциональном основании.

Мифонимы играют в бенновском построении сюжета двойную роль: они могут исполнять номинативную или атрибутивную функцию; топонимы зачастую их сочетают; реалии исполняют только номинативную функцию.

Имя как способ атрибуции

Обратимся к четвертой строфе стихотворения «Acheron»²:

Nein, du – Diana einst und alabastern,
ganz unvermischbar jedem Fall und Raum –
schwandest in diesem Zug aus Schmach und
Lastern
und littest – sah ich so – in diesem Traum.

На наш взгляд, не подлежит сомнению, что мифоним Diana фигурирует во фразе не в собственном значении.

Очевидно, что привлечение в текст прецедентного имени потенциально вовлекает в семантическое поле текста весь сюжетный

© Ноготков А. И., 2023.

Ноготков Артемий Ильич (*ar-gamilzor@inbox.ru*), студент IV курса факультета филологии и журналистики Самарского университета, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

¹ Характерный для данной поэтики способ обращения с категорией имени.

² Здесь и далее тексты стихотворений приводятся по изданию: Benn, Gottfried. *Gesammelte Werke in vier Bänden. Dritter Band: Gedichte* / hrsg. von Dieter Wellershoff // Gottfried Benn. Wiesbaden: Limes Verlag, 1963. 632 P.

объем³, присутствующий в данном имени. Ингеборг Бахманн написала, однажды, в связи с этим: «<...> *der Name allein genügt, um in der Welt zu sein. Es gibt nichts Mystischeres als das Leuchten von Namen und daß wir hängen an solchen Namen, und nicht einmal die Unkenntnis der Werke verhindert das triumphierende Vorhandensein von Lulu und Undine, von Emma Bovary und Anna Karenina, von Don Quichotte, Rastignac, dem grünen Heinrich und Hans Castorp. <...> Diese Namen sind eingebrannt in erdachte Wesen und vertreten sie zugleich, sie sind dauerhaft und <...> mit diesen Wesen verbunden <...>*»⁴ [цит. по 2, с. 164] (курсив наш. – А.Н.) Эти слова в высшей степени точно указывают на внутреннюю жизнь, присущую прецедентным именам, – на объем их значения, серьезно превышающий их статус лишь как имен собственных.

Тем не менее, для субъекта речи может быть важна только какая-либо часть именной семантики: тогда так или иначе следует ее ограничить, выделив из всех характеристик имени (подчас необозримых: так, «Вертер» – это нечто значительно большее, чем синий камзол, желтый жилет, букли и жалостливые стихи) необходимые.

Готфрид Бенн решает эту задачу посредством атрибуции либо предикации. В случае с Дианой в «Acheron» синтаксическая структура оказывается нелинейной: Diana – уже предикат к местоимению Du; параллельно местоимение получает еще один предикат: *alabastern*, – таким образом, два предиката: Diana и *alabastern* – не вступают в синтагматические отношения, однако, поскольку у них общий субъект, их семантические поля все же пересекаются и вступают во взаимодействие: семантика частного предиката (*alabastern*) ограничивает и конкретизирует семантику общего предиката (Diana), выделяя тем самым в нем существенные для данного сюжета признаки: в случае предиката

Diana это статуарность, – вынуждая *имя собственное* выступать в *несобственном значении*.

В общем случае данное правило выполняется также, однако с тем отличием, что поэт характеризует мифоним тем или иным атрибутом либо предикатом; также атрибутом может стать и само имя.

Пример: первое стихотворение из цикла «Sils-Maria», третья строфа:

Ein Alles-zum-Besten-Nenner
den trifft die Stunde nicht,
ein solcher Schattenkenner
der trinkt das Parzenlicht.

Для мифонима *Parzen* присутствие в данном контексте весьма неспецифично. Его семантика не имеет непосредственных пересечений с семантическими пластами остального стихотворения; тем не менее, поэт использует данный мифоним, причем делает его атрибутом лексемы *Licht*, – и, при всей неясности рождающейся семантики, он задает тон каждой фразе стихотворения: оно все словно освещается неясным светом Парок, тем не менее не выступающих в сюжете непосредственно. Лексема, обозначающая их, не осуществляет их непосредственной номинации, а лишь служит средством косвенного утверждения.

Перейдем к топонимам. Первый и ярчайший пример – стихотворение «Erst Wenn»:

Nicht die Olivenlandschaft,
nicht das Tyrrhenische Meer
sind die große Bekanntschaft:
die weißen Städte sind leer,
die Dinge lagern in stummen
Gewölben aus Substanz,
und keine Schatten verummen
den regungslosen Glanz.
Leer steht die Weinzisterne,
in Strahlen fassungslos
bietet sie nichts an Ferne
und an Zerstörungsstoß
und hilft nicht auszubreiten,
was im Gehirne schief:

³ Поскольку имя Diana прецедентно, упоминание его уже отсылает ко всему комплексу мифов, в которых фигурирует Диана-Артемида, и характеристик, ей присущих: от ассоциации с медведицей до вечной девственности, от смерти Актеона до статуса Великой Матери.

⁴ «<...> *имени самого по себе достаточно, чтобы быть в мире*. Нет ничего более таинственного, нежели мерцание имен и то, что мы посвящаем таким именам себя, и нередко незнание источника препятствует триумфальному присутствию Лолу и Ундины, Эммы Бовари и Анны Карениной, Дон Кихота, Растиньяка, Зеленого Генриха и Ганса Касторпа. <...> *Эти имена выжжены в измышленных сущностях и притом замечают их, они долговечны и <...> связаны с этими сущностями <...>*» (перевод наш)

sie bietet Südlichkeiten,
 doch nicht das Südmotiv.
 Ein Hof polarer Reste,
 Eiszeiten, Schollenwand
 selbst um die Villa d'Este
 und ihren Ginsterbrand,
 erst wenn die Schöpfungswunde
 sich still eröffnet hat,
 steigt die Verströmungsstunde
 vom Saum der weißen Stadt.

Нас интересуют теперь (nicht) die Olivenlandschaft и (nicht) das Tyrrhenische Meer. Они не прецедентны и потому их введение в текст еще не создает ясной семантики. Поэтому им предпослан общий предикат: sind die große Bekanntschaft. Введение предиката семантически детерминирует имя; неспецифические сами по себе die Olivenlandschaft и das Tyrrhenische Meer объединяются посредством семы «известность»/«знаковость»/«греческость». Достаточно очевидно, что на месте этих имен могли бы оказаться и другие.

Отдельное место в стихотворении занимает вилла д'Эсте: его узус весьма специфичен. Несмотря на то, что в XXI веке это уже не очевидно, вилла д'Эсте — прецедентный топоним, бывший на слуху в первой половине XX века: последним владельцем виллы был эрцгерцог Франц-Фердинанд. — Потому это имя в тексте не случайно, и с началом войны, а тем более после Ноябрьской революции, одной из периферийных сем имени «вилла д'Эсте» стала сема «потерянность»/«упадок», и именно данная сема актуализируется в «Erst Wenn», что — опять-таки — становится возможным благодаря соположению виллы д'Эсте с прочими именами, в коих сема потерянности или упадка является не периферийной, а центральной.

Имя в номинативной функции

На первый взгляд, когда мифоним выступает в номинативной функции, то есть имеет буквальное свое значение, он также может предстать двояко: участвовать непосредственно в выстраивании сюжета либо конструировать обертон посредством придания тому или иному элементу сюжета дополнительного семантического измерения. Тем не менее, эти две функции, по существу, — одна.

В такой роли очень часто выступают Парки. Более того, кажется, только они⁵ в ней и выступают.

Ein breiter Graben aus Schweigen,
 eine hohe Mauer aus Nacht
 zieht um die Stuben, die Steigen,
 wo du gewohnt, gewacht.
 In Vor- und Nachgefühlen
 hält noch die Strophe sich:
 «Auf welchen schwarzen Stühlen
 woben die Parzen dich,
 aus wo gefüllten Krügen
 erströmst du und verrinnst
 auf den verzehrten Zügen
 ein altes Traumgespinst».
 Bis sich die Reime schließen,
 die sich der Vers erfand,
 und Stein und Graben fließen
 in das weite, graue Land.

(Epilog 1949, II)

Du liegst und schweigst und träumst der
 Stunde nach,
 der Süßigkeit, dem sanften Sein des andern,
 keiner ist übermächtig oder schwach,
 du gibst und nimmst und gibst — die Kräfte
 wandern.

Gewisses Fühlen und gewisses Sehn,
 gewisse Worte aus gewisser Stunde,
 und keiner löst sich je aus diesem Bunde
 der Veilchen, Nesseln und der Orchideen.
 Und dennoch mußt du es den Parzen lassen,
 dem Fädenspinnen und dem Flockenstreun —
 du kannst nur diese Hand, die schmale, fassen
 und diesmal noch das tiefe Wort erneun.

(Du liegst und schweigst —)

Es würden Vögel, wanderweit,
 sich ruhig und in breiten Massen
 in ihren Ästen niederlassen:
 so still ist die Unendlichkeit.
 Auch unerbittlich ist das nicht?
 sie spinnen und die Spindeln rauschen
 und Lachesis und Klotho tauschen
 den Rocken und die Wolleschicht.
 Auch ob es wachte, ob es schlief,
 ob es Gestaltung zeigt und Weiten
 in Schöpfungen, in Dunkelheiten
 sind es die Götter, fremd und tief.
 (So still —)

Нам представляется достаточно очевидным, что Парки появляются в этих стихах в

⁵ Парки — самый навязчиво повторяющийся персонаж в стихах Г. Бенна, кроме, пожалуй, лирического Ты.

собственной роли и не представляют никого, кроме себя самих; тем не менее, их появление не обусловлено сюжетом напрямую: в сущности, ничто не подготавливает их внезапное появление в тексте, – таким образом, оно служит не просто даже расстановке акцентов (как при необусловленном появлении мифонима в атрибутивной функции), а *введению метонимически связанного с основным повествованием сюжета*. Семой, на основе которой происходит метонимическое сближение, является центральная (sic) сема мифонима: в случае Парок – сема рока или неизбежности.

Схоже ведут себя реалии, также сопрягаемые с основным повествованием метонимически. К примеру, кипарис в четвертой строфе стихотворения «Tristesse»:

Und dann November, Einsamkeit, Tristesse,
Grab oder Stock, der den Gelähmten trägt –
die Himmel segnen nicht, nur die Zypresse,
der Trauerbaum, steht groß und unbewegt.

Кипарис – это скорбное дерево, дерево смерти, принадлежащее Аиду. Этот топос важен для Готфрида Бенна⁶; в этих стихах появление кипариса происходит именно на основе семы смерти, и, поскольку все стихотворение постепенно подводит к ее актуализации, кипарис не внезапен и не неожиданен, но (после полувопросительного *Grab* и плавно подводящего *die Himmel segnen nicht*) является закономерным пунктом реализации данной семантики.

Схоже ведут себя в первой строфе этого же стихотворения асфодели:

Die Schatten wandeln nicht nur in den Hainen,
davor die Asphodelenwiese liegt,
sie wandeln unter uns und schon in deinen
Umarmungen, wenn noch der Traum dich
wiegt.

Асфодели (и тени) задают семантический контекст всему стихотворению, сходу актуализируя посмертную семантику и таким образом интенсифицируя данное семантическое поле в каждом из следующих затем выражений.

Мы назвали бы такое поведение лексем символистским или символическим, не будь данные слова столь дискредитированы

символистскими золотом, лазурью и благонамеренными туманами. Символ Готфрида Бенна не таков; он конкретен, он даже интеллектуален (что, разумеется, не уничтожает его прочувствованности и порой пронзительности), в нем нет семантической неразличности, никакой пансемантики и панэнхеизма.

Символичность рождается из тематической знаковости и семантического напряжения: символ – это лексема или выражение, имеющие конкретное значение и являющиеся носителями сильной доли в стилистическом рисунке: пунктами семантического акцента, аккумулирующего вокруг себя семантическое поле стихотворения, а иногда – многих стихотворений. Такими символами для Готфрида Бенна являются слова: Parzen; Zypresse; Asphodelen; таким же символом – самым сильным – является для него слово blau⁷.

Заключение

Итак, используя имена собственные в качестве способа атрибуции, Готфрид Бенн добивается того, что целое становится обозначением собственной части: он выделяет в используемом имени нужный признак, расставляя тем самым семантические акценты и едва не произвольно тасуя элементы семантики.

При использовании же мифонимов или реалий в номинативном качестве Готфрид Бенн интенсифицирует отдельные элементы семантики, но не подчиняя общее частному, а, напротив, искусно встраивая частное в общее и тем самым детерминируя общее комплексной семантикой вводимого имени. Это приводит к тому, что даже реалия становится прецедентной; – выстраивается стилистическая тотальность сюжета, подчиняющая себе любые детали, изменяющая в своих элементах соотношение сем и подгоняющая семантику под стилистическую форму.

Лукас Берфусс пишет о Бенне: «Was gibt es da noch zu verstehen? Nichts. Er will nämlich überhaupt nicht verstanden werden. Benn trifft zwar blind den richtigen Ton, aber er nennt nie-

⁶ Представляется неслучайной параллель с одой II/XIII Горация (К Постуму).

⁷ Между прочим, единственный из всех колоронимов, не отвергаемый Бенном (см. „Probleme der Lyrik“).

mals die Dinge bei ihrem Namen. Er bleibt unfassbar...»⁸ [3, с. 277].

Это действительно так: с одной стороны, называя имена, Готфрид Бенн тем не менее преобразует их семантику. Er bleibt unfassbar, поскольку уравнивает имя собственное и имя нарицательное, приближая статус последнего к статусу первого, — и затем *использует имя собственное в несобственном значении*.

С другой стороны, вводя в ткань текста имя в собственном значении, Готфрид Бенн подчеркивает его семантическую тотальность, освещает все стихотворение им одним, так что имя становится *символом*: лексемой или выражением, имеющими предельно конкретное, хотя и чрезвычайно широкое и подчас размытое благодаря обилию семантических коннотаций и нюансированных ассоциаций, Schattierungen des Gedankens, значение и являющимися носителями сильной доли в стилистическом рисунке: пунктами семантического акцента, аккумулирующего вокруг себя семантическое поле стихотворения, а иногда — многих стихотворений.

Следовательно, можно утверждать, что прецедентное имя является в бенновской поэтике *логической формой возможности*: посредством ономастического праксиса Готфрид Бенн конструирует специфическую топологию

стиля. И завершить это рассуждение мы бы хотели собственными Готфрида Бенна словами:

«Wir werden uns damit abfinden müssen, daß Worte eine latente Existenz besitzen, die auf entsprechend Eingestellte als Zauber wirkt und sie befähigt, diesen Zauber weiterzugeben. Dies scheint mir das letzte Mysterium zu sein, vor dem unser immer waches, durchalalysiertes, nur von gelegentlichen Trancen durchbrochenes Bewußtsein seine Grenze fühlt»⁹ [4, с. 513–514].

Литература

1. Benn G. Gesammelte Werke in vier Bänden. Dritter Band: Gedichte / hrsg. von Dieter Wellershoff. Wiesbaden: Limes Verlag, 1963. 632 S.

2. Burdorf D. Die Strahlkraft der Namen. Zu Personennamen in Gedichten und deren Paratexten // Grundfragen der Lyrikologie 1: Lyrisches Ich, Textsubjekt, Sprecher? Berlin, Boston: De Gruyter, 2019. S. 165–177.

3. Bärfuss L. Die Dinge beim Namen nennen // Es ist recht sehr Nacht geworden: Kleist, Raabe, Benn. Essays. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2022. S. 274–299.

4. Benn G. Gesammelte Werke in vier Bänden. Erster Band: Essays, Reden, Vorträge / hrsg. von Dieter Wellershoff. Wiesbaden: Limes Verlag, 1962. 645 S.

⁸ «Что здесь можно понять? Ничего. Он совершенно не желает быть понятым. Бенн, хотя и вслепую, берет верный тон, но он никогда не называет вещи своими именами. Он остается неуловимым...» (перевод наш)

⁹ «Нам придется примириться с тем, что слова обладают скрытой жизнью, воздействующей на восприимчивых людей подобно чарам и дарующей им способность передавать эти чары дальше. Это кажется мне высшей тайной, перед лицом которой наше вечно бодрствующее, насквозь проанализированное, лишь случайным забвением нарушаемое сознание ощущает свои границы» (перевод наш).

TOPIK UND TELEOLOGIE DER ONOMASTISCHEN PRAXIS IM POETISCHEN STIL DES GOTTFRIED BENNS

A. I. Nogotkov

In this article the attempt of complex analysis of onomastic praxis, realized in lyrics of Gottfried Benn, from artistic and teleological positions is made. By analyzing the specifics of the use of names related in one way or another to the Hellenic topic (anthroponyms, theonyms, toponyms, realities), it was possible to conclude, that onomastic praxis serves G. Benn in constructing a particular topology of style through the exquisite and extraordinary treatment of individual elements of semantics of names. The article conducts a functional typology of naming in the lyrics of G. Benn and substantiates the idea of a symbol for Bennovo poetry. In the study the method of philological analysis is used, the method of imaginative reconstruction is found on the metho-dologic periphery.

Key words: style topology; symbol; nominative topics; semantics.

Статья поступила в редакцию 03.06.2023 г.